

Ю. С. СТЕПАНОВ, *В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства)*, М., издательство «Наука», 1985, 332 с.

В новой монографии Ю. С. Степанова, как уже явствует из ее названия, исследуются семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства. Рецензируемая работа относится к разряду книг, в которых изучаются междисциплинарные проблемы, а в настоящее время эффективность и перспективность анализа какой-либо определенной проблемы или целого круга проблем на стыке наук не вызывает никаких сомнений.

Автор поставил своей целью изучить типичные подходы к языку, образующие так называемые «парадигмы» мышления в указанных науках от античности до наших дней. Как видим, столь серьезная задача, поставленная перед автором, требует глубочайшего уровня всесторонних знаний и непомерно большого объема работы.

Ю. С. Степанов представляет себе язык, если понимать его с позиций семиотики, в трехмерном измерении, «в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи» (с. 3). Изучение языка в лингвистике, философии и искусстве слова направляется по трем осям, по которым протекает описание языка в семиотике—семантике, синтактике и прагматике. Автор широко использует в своей работе термин «философия языка» и синонимичный ему термин «парадигма», который понимается им как «господствующий в какую-либо данную эпоху взгляд на язык, связанный с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве, притом таким именно образом, что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка в свою очередь— для решения некоторых (обычно лишь некоторых) философских проблем; так же и в отношении искусства; направление в искусстве, прежде всего в искусстве слова, формирует способы использования языка, а последние накладывают свой отпечаток (обычно лишь в некоторой степени) на искусство» (с. 4). В таком именно понимании в книге выделяются следующие три парадигмы: 1) семантическая парадигма (в ней «философия языка» сводится к «философии имени»); 2) синтаксическая парадигма («философия языка» в ней сводится к «философии предиката»); 3) прагматическая, или деиктическая парадигма («философия языка» сводится к «философии эгоцентрических слов»).

Автор употребляет и термин «философские константы языка»—они присущи всем парадигмам и во все времена. Это: 1) идея «двух языков» (например, народные языки и латынь в эпоху Возрождения и т. д.), 2) идея «пропозициональных установок» (выражений типа «Я думаю, что...»), 3) идея «количества имен» в языке и др.

Помимо глав, посвященных исследованию той или иной парадигмы, в монографии несколько глав посвящены изучению различных межпарадигматических периодов, однако отмечается более важная роль парадигм по сравнению со взглядами межпарадигматических периодов. В последней главе работы Ю. С. Степанов в свете изложенного материала представляет свою модель создания общей картины языка.

Первая из рассматриваемых парадигм—это *семантическая парадигма*. «Философия имени» рассматривается как выражение семантического подхода к языку. «Философия имени»—это пик изучения «чистой семантики», почти целиком освобожден-

ной... от синтактики и прагматики...» (с. 9). По Ю. С. Степанову, «философия имени»—это такая философия языка, в основе которой лежит имя и его отношение к миру.

Ю. С. Степанов выделяет следующие константы в анализируемой парадигме: «вещь» всегда может получить имя; «имя» связано не только с «вещью», но и с ее «сущностью»; суть именования всегда в закреплении сущности вещи. Выделяются и три главные черты этой парадигмы, а именно: 1) понятие имени; 2) понятие сущности; 3) понятие иерархии. Ю. С. Степанов детально анализирует проблемы именования, завершаемого именем, собственных (индивидуальных) и общих (нарицательных) имен, как они понимаются у разных авторов (Платон, Аристотель, схоласты XVII в., Николай Кузанский, А. Ф. Лосев). Корреспондентное философии имени искусство, цель которого—поиски сущностей за видимыми формами явлений, Ю. С. Степанов называет «поэзией имени», «семантической поэзией». «Поэзия имени»—это символизм, представителями которого являются Малларме, Метерлинк, Рембо, Блок, Брюсов, Бальмонт, Вяч. Иванов и некоторые другие. Искусству, мыслимому лишь в одном измерении—семантике,—как считает автор исследования, недостает красоты слова, однако оно, являясь познанием сущности, выражает не случайное, а лишь необходимое.

Вторая из выделенных парадигм, как уже было отмечено,—это *синтаксическая парадигма*. Новая парадигма—«философия предиката»—явилась выражением синтаксического подхода к языку. Претерпевает изменение центральное понятие «философии языка»—«сущность». «Философы предиката» испытывают отвращение к понятию сущности и недоверие к семантике, что влечет за собой переход от семантики к синтаксису. Разработка синтактики была связана с открытием в недрах семантики категории *предиката*. «Философия предиката» в отличие от единой «философии имени» была разнообразна, и на разных ее этапах ставились разные вопросы. Элементы «философии предиката» рассматриваются в учении античных стоиков, затем—в концепции языка Б. Рассела 1920—1940 гг. В его работах содержится несколько концепций языка, каждая из которых описывает какой-то один фрагмент естественного языка. Все взгляды Б. Рассела на язык—это выражение философии предиката, и на I плане у него—понятие «качество».

Содержательным аналогом «философии предиката» является поэтическая концепция «человека без свойств» («Записки из подполья» Достоевского и «Пер Гюнт» Ибсена). «Человек без свойств» не в том смысле, что герой никак не проявлял себя вовне, а в том, что как только проявлено какое-нибудь свойство, тут же следует его опровержение.

Третья по хронологии парадигма—это «философия эгоцентрических слов», или *прагматическая философия*. Новая парадигма характеризуется по сравнению с двумя предыдущими 2 радикальными отличиями: 1) весь язык соотносится с субъектом, который его использует,—с «я»; 2) все основные понятия, используемые для описания языка, рассматриваются теперь как функции. Новая парадигма стала, по выражению Ю. С. Степанова, «пиком прагматики».

Важное понятие рассматриваемой парадигмы—это эгоцентрические слова—слова и выражения, ориентированные на «Эго», на «Я» говорящего («Я», «здесь», «сейчас», «еще» и некоторые другие). Указывается на способность «Я» к раздвиганию, утруиванию и т. д. Под понятием «пропозициональных установок», введенным Б. Расселом, понимается выражение позиции говорящего по отношению к тому, что он затем хочет сказать («Джон считает, что»—пропозициональная установка, «Мэри красивая»—пропозиция). Пропозициональные установки, включая пропозиции—это выражения, которые должны быть отнесены к классу эгоцентрических слов и выражений.

Анализируется содержательная поэтика эгоцентрических слов—поэтика Музиль, Пруста и отчасти Горького («Жизнь Клима Самгина»), а также теория театра Б. Брехта. Формальная поэтика эгоцентрических слов—это разнообразная экспериментальная поэтика (от русского имажинизма до «нового романа» во Франции).

В заключительной главе монографии Ю. С. Степанов создает общую картину языка из трех разных картин языка, используя модель, содержащую те параметры языка, которые легли в основу каждой парадигмы. Ю. С. Степанов считает, что грамматика естественного языка может быть наиболее адекватно описана как сочетание разных «слоев», или «языков» в одной системе. Эта мысль и лежит в основе 3-х моделей языка. Семантика заключается не прямо в отношениях знаков к объектам, а в отношении знаков к объектам, как эти отношения предстают через синтактику и прагматику; синтактика заключается не прямо в отношениях между знаками, а в отношениях между знаками, как они предстают через семантику и прагматику; прагматика же заключается не прямо в отношениях знаков к носителю языка, а как эти отношения предстают через семантику и синтактику.

Дается следующая характеристика 3-х картин языка. Язык-1—это естественный язык, все основные показатели которого характеризуются числом «1». Имена и предикаты такого языка группируются только в I класс. *Степень 1* означает, что в высказывании только 1 терм (субъект). *Уровень 1* означает, что ни предикат, ни имя не могут быть сведены трансформацией к более простому высказыванию. В Языке-1 сочетание имени с предикатом основано на объективной связи объекта и его свойства. Это—экстенциональный язык. Предложения Языка-1 синтетические в том смысле, что и свойства, и объекты существуют как независимые сущности, но они одновременно и аналитические, так как обладают непосредственной убедительной рациональной силой: носитель этого языка знает, что данный предикат должен сочетаться с данным именем. Структура предложений одновременно и поверхностная и глубинная. В этом языке нет логических слов, отрицания, среди объектов нет «Я».

Язык-1—очень бедный и негармоничный язык, развитый главным образом в отношении семантики, синтактика в нем почти полностью подчинена семантике, а дектика отсутствует. Показывается, что лирика на таком языке невозможна (отсутствие «Я»), драма, предполагающая диалоги—тоже (отсутствие «Я» и «Ты»). Все же искусство слова на таком языке возможно (символическое, или формальное). В такой поэзии—сочетание одних и тех же знаков, комбинированных новым способом. Эти сочетания касаются в основном звуковой формы самих знаков.

В Языке-2 все показатели характеризуются числом «2». По сравнению с Языком-1 у него—более развитая синтактика. *Степень-2* в высказываниях означает, что в нем два термина—терм-субъект и терм-объект («Кошка ловит мышь»). Предикаты здесь двухместные, а глаголы—переходные. Имена группируются в 2 класса, их контрастный признак можно связать с различием предметов в действительности (с активностью предметов I класса и неактивностью II класса). В Языке-2 имеется 1 признак (I класса), объекты II класса либо лишены предиката, либо характеризуются вторичными признаками. В высказываниях этого языка имена I класса выступают всегда только субъектами, имена II класса—объектами. Появление в этом языке второго, противопоставленного класса имен создает контраст классов. Особенность Языка-2 в том, что в нем разрешены трансформации. *Уровень-2* означает, что в этом языке некоторые высказывания могут быть получены из более простых, первичных высказываний Уровня-1. Координаты говорящего в Языке-2 также отсутствуют. Существенной новой чертой Языка-2 является сочетаемость. В этом языке можно нарушить первоначальную сочетаемость и сочетать с субъектами одного класса предикаты другого. Полученные таким образом предложения—синтетические.

В Языке-2 существуют, с одной стороны, предложения одновременно аналитические и синтетические, а с другой—синтетические предложения. Язык-2 является интенциональным языком (возможность новой сочетаемости). Отмечается возможность прекрасной содержательной поэзии на Языке-2, основное выразительное средство которой—в новой сочетаемости, а содержание—интенциональный мир смыслов.

В Языке-3 все основные показатели характеризуются числом «3». В этом языке появляется элемент «Я». *Степень-3* показывает, что предикаты здесь трехместные.

Уровень-3 свидетельствует о наличии в языке возможностей сложных преобразований. Язык-3 включает в себя Язык-1 и Язык-2. В Языке-3 выражается потребность представлять объективную ситуацию субъективным образом (это «Я» и особые координаты говорящего). В Языке-3 появляется еще один класс—особый—имен (имена носителей этого языка). В этом языке есть все необходимые условия для появления в нем пропозициональных установок. Здесь открыта возможность лирической поэзии, а формальным признаком искусства на этом языке является возможность перифраз.

В рецензируемой книге—обилие специальных терминов, имен, цитат (последнее оговаривается, впрочем, и самим автором), что, возможно, иногда и мешает в некоторой степени сосредоточиться. Однако это вытекает из самой общей концепции и логически аргументировано. Богатство иллюстративного материала, тонкий анализ (иногда с неожиданными поворотами), интереснейшие параллели из области литературы, музыки, живописи—все это делает книгу живой и увлекательной. Как по содержанию, так и по форме изложения она, несомненно, является экстраординарной. Отметим также актуальность поставленных перед автором задач и, на наш взгляд, блестящее их решение.

Книга может быть полезна и интересна всем тем специалистам, которые занимаются смежными проблемами лингвистики, философии, семиотики, литературоведения, теории искусства. В заключение рецензии хотелось бы выразить пожелание, чтобы новая монография Ю. С. Степанова была переведена на армянский язык и стала бы достоянием также и армянского читателя.

ЛИЛИТ БРУТЯН,

кандидат филологических наук